

НЕ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

После окончания профтехучилища молоденькая девушка, новоиспечённый фотограф, получила распределение в небольшой районный центр. Куда она и отправилась с маленьким чемоданчиком «балетка», но с большим энтузиазмом и удовольствием, а как иначе, впереди для неё начиналась самостоятельная взрослая жизнь, интересная работа в фотоателье, знакомства с новыми людьми, возможно, даже встреча своего суженого! Хотя об этом она ещё и не думала вовсе, ну так, может, только самую малость, но это было где-то ещё глубоко в её сознании. Первым было увлечение фотографией, да и вообще, столько много интересного ждало её впереди, а не эти глупости про парней.

От краевого центра до нового места жительства было рукой подать, по сибирским меркам, всего-то километров восемьдесят с гаком, и вскоре замороженный автобус доставил пассажиров к небольшой деревянной избе с

чуть криво прибитой над массивной дверью вывеской, на которой коричневой краской, потрескавшейся от ветра и холода, было написано «Автовокзал». Пассажиры спешно покидали холодный автобус, женщины с детьми так же спешно заходили в дом вокзала, затаскивая с собой узлы, а мужики, показывая своё безразличие к морозу, с расстегнутыми бортами пальто или полушубков останавливались возле крыльца вокруг ведра для окурков и закуривали, чтобы продолжить свои разговоры, не законченные в поездке.

Полина тоже вслед за тётками втиснулась внутрь. Чуть влажный, но тёплый воздух в помещении обрадовал, она пробралась к большой круглой кирпичной печи и приложила к ней оочевевшие руки.

– Зябко? – спросила дородная тётка, снимая с себя большую пуховую шаль. – Я ещё в автобусе на тебя посмотрела и подумала, как это она в такой одежке не мёрзнет?

– Ничего, я привыкшая.

– Марток – надевай семь порток. А ты вона как легонько одета. К нам в гости, поди? Не признаю тебя. Ненашенная.

– Училище закончила, вот на работу сюда приехала.

– И кем же ты к нам, такая худенькая? Медичкой или учительницей?

– Да нет. Фотографом буду работать.

– Это значит, с Карлычем в быткомбинате будешь? Это хорошо! А то он у нас, Карлыч-то, старый уже стал. А ты, значит, ему в смену. Как зовут-то?

– Полина.

– А жить-то есть где? Родственники там или знакомые.

– Да нет. Пока вот только с вами познакомилась.

– И чё? На постой, поди, ко мне хочешь?

– Нет, там мне, вроде бы, комнату обещали дать.

– Вроде бы да кабы. Комнату! Негоже девке одной в комнатах жить. Мало ли кто ночами мимо ходит! Я с этим комбинатом рядышком живу, угол у меня с кроватью есть. Пустует. Дочка в город уехала. На заводе работает. Не жилось ей здесь, в город, окаянная, умыкнула. А я тут одна мыкайся! Дочка-то, как ты, такая же щупленькая. Так что, пожелаешь – поживи у меня. Мне всё веселее будет. А там дальше и поглядишь.

– Спасибо. Я, конечно, согласна.

– Ну, вот и ладушки. Погрелась, тогда и пойдём. Я тут недалёко живу.

Со следующего дня начались трудовые дни.

Приближался праздник Международного женского дня, поэтому

работы в фотоателье прибавилось: народ шёл и шёл фотографироваться, появились заявки на съёмку свадеб в Загсе райцентра и в ближайших сёлах.

– Ишь, прослышали, что молодая да красивая в помощницах у меня появилась, так сразу валом повалили. А ты, дочка, учишь. Фотография – это очень доброе дело. Вот живут себе люди, живут. А потом раз и всё. Нету их, а карточки остались на стенке под стеклом висеть. Память! А когда нет фото, то со временем уже и не вспомнить, кто и как выглядел, а на пальцах да словах и не обрисуешь его внешность. А тут глянул и распознал. Так что наша работа фотографов очень даже нужная! Мы как хранители семейной памяти людей и их моментов жизненных, запечатлеем событие, как будто время остановим, а люди нас потом тёплым словом и помянут. Вот так, Полина!

И Полина училась. У Петра Карловича, а именно так звали старого фотографа, было чему поучиться.

– Главное, Поля, в нашем деле знаешь что?

– Хорошая фотокамера и софиты.

– Нет, главное в фотографии – это наш клиент, который желает получить от нас хорошее и качественное фотографическое изображение самого себя или своей семьи. И вот тогда мы должны правильно выбрать фон, освещение, помочь ему правильно встать или сесть, чтобы удобно было. И разговаривать с ним как со своим старым и добрым знакомым, чтобы он чувствовал себя как дома. Знаешь, Поля, чувство собственного дома – это спокойствие и

свобода, это самое гармоничное состояние человека, и оно одно из главных наших чувств. Вот нам и нужно, чтобы человек, придя к нам, расслабился и стал тем, кем он есть в обычной, привычной для него обстановке, а не обращал внимания на яркий свет ламп и наши декорации. Вот тогда всё будет как надо! И фотография не будет сухим снимком, а будет живой и радовать глаз. Фотография – это искусство. Ну, тебя этому учили.

– Да, но про чувство собственного дома нам в училище ни разу не говорили.

– Про это в учебниках не пишут, это понимание приходит позже и у каждого по-разному, я думаю. Всё зависит от того, хочешь ты просто фотографировать или стать фотографом-художником. Художник, он что делает, он воплощает своё виденье красоты на холсте неделями или месяцами, а настоящий фотограф должен увидеть момент красоты и успеть запечатлеть его, потому что повтора этого момента может больше и не быть. Вот в этом, Поля, и состоит наша работа – поймать момент.

Поля внимательно и с интересом наблюдала за артистической работой старого седого фотографа, за его манерой общения с людьми, стараясь перенять все его действия и движения. После окончания рабочего дня, она не сразу уходила домой, а часто оставалась в ателье до ночи, чтобы как можно больше проявить фотоплёнок, отснятых за день, отретушировать при необходимости и распечатать фотографии, отглянцевать их и увидеть плоды своего труда.

В один из вечеров, когда на улице завывала весенняя вьюга и барабанила тяжёлыми снежными крупинками в окно, Поля опять осталась поработать в лаборатории. Красный свет фонаря освещал процесс появления изображения на фотобумаге. Свадебные фотографии получались, как показалось Полине, очень даже симпатичными. Неожиданно послышались стуки в дверь ателье.

«Кто бы это мог быть в такую пору?» – подумала она.

– Кто там?

– Откройте, пожалуйста. Мы из соседней деревни. Хотели бы сфотографироваться, – послышался с улицы мужской голос.

– Но уже поздно. Мы не работаем. Завтра приезжайте.

– Завтра не получится. Завтра уже нельзя будет. Вы только сфотографируете нас с девушкой на память, и мы сразу же уедем. Нам, правда, завтра нельзя уже будет. Это у нас последний шанс с ней сфотографироваться! Правда, другого шанса больше не будет! Да вы не бойтесь.

– А я и не боюсь вовсе! – Поля открыла дверь, на пороге стоял заснеженный с ног до головы парень, а чуть поодаль – лошадь, запряжённая в сани. В санях сидели двое, ещё один парень с девушкой.

– Давайте быстро заходите, холоду напустите. Вон вешалка, можете раздеться, а там стулья, садитесь, а я пока кассету заряжу.

Поля ушла. Через чёрную штору, закрывающую проём в фотолaborаторию, было слышно, как молодые люди зашли и начали двигать стульями, видимо, усаживались для фотографирования.

– Я сейчас, ещё пару минут.

Когда она вошла в слабоосвещённый зал, то увидела, что девушка в светлом платье и фате, с каким-то неприятно-застывшим выражением на лице и закрытыми глазами, сидит на стуле в не очень-то удобной позе, а парень стоит сзади, положив руки ей на плечи.

– А она что, сильно пьяная? – заволновавшись от нехорошего предчувствия, спросила Полина.

– Нет! – ответил парень дрожащим голосом. – У нас сегодня свадьба была. И ей плохо стало, сильно плохо... Она как-то сразу оступилась и всё... Мы вот с другом в сани её и в больницу, сюда, в райцентр. А она по дороге уже и... А мы с ней так и не успели сфотографироваться! Завтра утром собирались к вам приехать. А оно вот как вышло. Так что завтра никак уже нельзя.

Поля чуть не упала в обморок от этих слов.

– Да ты не бойся! Я же её не убивал, она сама умерла! Любил я её сильно. Сердце, наверное. Вот я и хочу фото на память о ней себе оставить... Да фотографируй ты нас скорей, и мы назад поедem, а то там гости все в шоке. Я им сказал, что в больницу её везу... Умерла моя Шурочка... – парень замолчал, неуклюже поправил одной рукой фату невесте.

Дальше всё было в густом тумане.

Очнулась Поля утром от того, что её кто-то сильно тряс за плечи.

– Ты чего это, дочка? Перетрудилась, родимая? – над ней стоял Карлыч.

– Ой, Пётр Карлович! Не хочу я больше фотографом быть! – рыдалась Полина.

– Погоди ты, погоди! Расскажи толком-то, что случилось?

Полина, запинаясь и всхлипывая после каждого слова, с горем пополам рассказала Карлычу, что произошло ночью.

– Как они уехали и что было дальше, я не помню, – закончила она свой рассказ, уткнувшись Карлычу в плечо.

Он гладил её по голове и тихо говорил:

– Ничего, дочка, ничего, Поля! Всякое в жизни бывает! А фотограф из тебя выйдет очень хороший! Попомни мои слова. Негоже тебе бросать эту профессию! Так бывает в жизни, что она даёт тебе возможность или шанс, называя как угодно, чтобы выбрать дорогу, по которой дальше идти! Вот он у тебя первый выбор или первый шанс и появился. А может, и не первый, но не последний уж точно! И ты всё сделала правильно! А вот сколько их, этих шансов, тебе предстоит пройти – никто не знает. А безболезненно никогда ничего не происходит. Может, у кого-то, но я таких не встречал. У тебя будет ещё много всяких возможностей внести изменения в себе, в своей жизни, стоять на развилке и принимать верные решения. А вот у того парня, видимо, был и впрямь последний шанс оставить память о ней. Жалко, конечно, дивчину, да и жениха тоже, горе вместо радости и у него, и родных. Навсегда запомнится. А ты всё правильно сделала... Ну-ну, было и прошло...

Дня два Поля не могла набраться смелости зайти в лабораторию, а старый фотограф как будто и не замечал её страхов. Эти дни они молча делали свою работу: Поля фотографировала посетителей, а Карлыч проявлял и печатал фотографии. А непроявленная

фотопластинка со снимком того вечера так и лежала на полке, пока на третий день, ближе к обеду, в фотосалон не вошёл молодой парень в заснеженном тулупе. Сняв шапку, он стоял в дверном проёме, переступая с ноги на ногу.

Карлыч сразу понял, кто это пришёл и зачем:

– Ой, чёрт я старый, совсем забыл, печь-то затопил, а трубу приоткрыть запамятовал. Поленька, я сейчас быстренько сбегаю до дому и вернусь! – накинув пальто и водрузив ушанку на голову, он ловко протиснулся мимо посетителя и закрыл за собой дверь.

– Здравствуйте! Я вот за фотографией приехал. Помните, два дня назад мы были, – парень стоял и мял своими большими руками шапку, видимо, стесняясь и не зная, как себя вести дальше и что ещё сказать.

Глядя на его неловкость и очень расстроенный вид, Полина почувствовала, что какая-то напряжённая струнка внутри неё, мешавшая ей все эти дни, вдруг лопнула и отозвалась лёгким звоном в голове. Исчезло чувство скованности и тревоги, лёгкая тёплая волна прокатилась по телу, она почувствовала, как слегка загорели щёки и согрелись руки.

– Здравствуйте! Если вы подождёте полчаса, то фото как раз закрепится и просохнет. – Ей было неловко за свой обман, но она не могла признаться этому незнакомцу, что ей было страшно не только притрагиваться к кассете, но и смотреть в её сторону. – Хорошо?

– Ладно. Можно, я здесь подожду, вот тут на скамейке посижу.

– Да, конечно.

Поля быстрым шагом и решительно вошла в фотолабораторию. Страх не было, было одно желание: сделать всё правильно и не испортить эту фотографию.

Вручив парню два фотоснимка, Поля почувствовала не испытываемую никогда ранее лёгкость на душе.

– Спасибо вам! – сказал парень, аккуратно завернул фотоснимки в газету и ушёл.

Поля села на скамейку, опустив руки на колени.

– Ну, слава богу, всё нормально дома. А то я переживал, вдруг чего не так, – начал с порога Карлыч. – Поля! Ты чего это, дочка? У тебя-то всё нормально?

– Ой, Карлыч, спасибо вам. Теперь-то у меня точно всё нормально! Но вот я думаю, а как ему-то, парню этому, теперь в жизни придётся, как он это перенесёт всё, что дальше у него будет?

– Эх, Поля-Полечка! – вздохнул Карлыч и замолчал.

В комнате повисла тишина. Каждый из них думал о чём-то своём.

– Знаешь, Поля, – вдруг каким-то тихим голосом произнёс старый фотограф, – я думаю, что, если у того парня есть воля и Вера в то, что он всё это перенесёт и пересилит своё горе и утрату... и не сопьётся, живя прошлыми воспоминаниями, значит, у него появится цель и Надежда на то, что он найдёт ещё свою Любовь. Конечно, эту девушку он будет всегда помнить, и время не полностью сотрёт его воспоминания... Но жизнь, Поля, это не одна малина с молоком, бывают ещё и слёзы с солью, но у него ещё есть шанс к жизни... и не самый последний шанс.

КАМЕНЬ НА РАСПУТЬЕ

Рас-сказ-ка

«...Едучи путём-дорогою, близко ли, далёко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, наконец, приехал богатырь в чистое поле, в зелёные луга. А в чистом поле на распустье дорог стоит мрачный седой камень, поросший мохом. На нём – злое-щая надпись: «Кто поедет от камня сего прямо, тот будет голоден и холоден; кто поедет в правую сторону, тот будет здоров и жив, а конь его будет мёртв; а кто поедет в левую сторону, тот сам будет убит, а конь его жив и здоров останется».

Испокон веков стою я на этом перепутье, с тех самых пор, как откололся от глыбы Познания, летящей в бесконечном пространстве Великого Космоса, и упал на эту планету. Стою каменным истуканом, беседую сам с собой и указываю путь-дорогу путникам.

Ко мне подходит одна дорога, а от меня уходят три.

Вначале я просто наблюдал за тем, что происходит вокруг, смотрел и изучал непонятных, тогда, для меня существ на двух ногах, проходивших мимо и останавливавшихся ненадолго рядом. Я хорошо понимал их мысли, но не сразу научился понимать их слова, которые они произносили. Вроде бы это было и нетрудно. Я понимал, что они тоже были частью Космоса. Их волновые колебания и импульсы имели те же диапазоны и частоты, но вот их мысли имели противоположное значение и не совпадали с тем, что они произносили вслух, и это было мне непонятно, так как не укладывалось в прямолинейность космического бытия.

И только позже я узнал, что это была неискренность и обман. Люди не понимали того, что, обманывая другого, они сами оставались обманутыми. А затем люди уходили по разным дорогам, некоторые возвращались, а некоторых я больше не видел, потому что, наверное, они погибали, выбрав не тот путь.

А потом появился Он, высокий и худой старец, одетый в длинную и светлую одежду, с белой бородой и синими глазами. Остановился он возле меня и, укрывшись в моей тени от палящих лучей солнца, просидел в молчании с вечера до утра, прижавшись ко мне спиной, смотря на ночное небо и яркие звезды, а его мысли наполняли меня чистотой Вселенского разума, и я тоже мыслил вместе с ним.

В нём чувствовалась огромная сила знаний и мудрость. Я ясно понимал его мысли о происходящем в мире: о человеческой жадности и предательстве, о лжи, поедаящей человека, о вечном поиске людьми птицы счастья и справедливости. Он мысленно поведал мне многое о том, что видел на своем жизненном пути, а я поделился с ним частью своих знаний и рассказал ему о трёх дорогах, которые лежали за мной и уходили вдаль, за горизонт.

– А разве люди не могут жить в дружбе и любви друг к другу? – спросил я у него, стараясь придать своему вопросу-мысли вид собственной мысли старца.

– Могут, – как бы сам себе ответил старец, – только для этого они должны изучить законы Мироздания и верить в них и они должны понять суть своего существования и цель своего предназначения.

– Но это же так просто!

– Нет, это не просто, этому нужно учиться постоянно и постоянно работать над собой и своим сознанием, а люди не хотят долго учиться, им нужно всё сразу и сейчас. В них много зависти и мало добродетели, поэтому они даже на своих ошибках не хотят учиться! Не говоря о Вере!

– А что если попытаться указать им Путь? Да, указать дорогу, которую они должны будут выбрать сами, вот хотя бы из этих трёх, идущих от этого камня. Он будет как «камень преткновеня» – начальный камень на Пути к Созиданию! Может, тогда верующие и неверующие в Добро, соблюдающие и не соблюдающие Вселенский Закон выберут свой, правильный или нет, путь. И пройдут его. А если нет, то – не судьба им.

– Да будет так! А на камне я напишу пожелания для желающих и ищущих!

И взял старец обломок от меня и начал своё Великое праведное дело – писать на моём каменном теле СЛОВА. Это был наш с ним совместный труд – воплощение человеческого желания и небесного сознания. В течение нескольких дней и ночей, под лучами Солнца и при свете Луны, высекал он истину, подсказываемую ему разумом и мной, частицей космической глыбы Познания. Через несколько дней на мне красовалась надпись:

**« – Как прямо ехать –
живу не бывати –
нет пути ни прохажему,
ни проезему,
ни пролетному...
– Направу ехать –
женату бытии...
– Налеву ехать –
богату бытии...»**

А потом Он ушел, опираясь на посох, и его высокая, чуть ссутулившаяся фигура ещё долго была видна на фоне чистого голубого неба, пока не скрылась за горизонтом навсегда.

Много людей с тех пор пешими и конными останавливались передо мной, читали надпись, а потом шли дальше. Многие счастья пытались, да не многие его нашли: одни не туда пошли, другие не с тем пришли, третьи не то искали. Сколько их, богатырей и проходивцев разных, стояло возле меня, голову склонив да вчитываясь в слова. Много, очень много! Словато они читали, а смысл не отыскивали и уходили в разные стороны, да в основном не туда, куда следовало! И помочь я им ничем не мог: говорить не умею, рук-ног не имею, одно могу – изнутри на себе, снаружи слова-подсказки писать, а уж путнику выбирать.

Сколько воды с неба пролилось, сколько травы вокруг меня росло и полегло. Врос я уже в землю чуть не вполовину, и сколько раз уже ветра и дожди стирали мои надписи совсем, а я их снова подновлял. Времени много уходит на их написание. Только те слова в надписи, что в землю ушли, не обновляются более, так что последние две строчки уже и не видно. Никому.

А копать вглубь никто не хочет. Всё поверху читают, вглубь не заглядывают. Наклоняться же надо.

Видимо, старец был прав тогда, сказав:

«...этому нужно учиться постоянно и постоянно работать над собой и своим сознанием, а люди не хотят долго учиться, им нужно всё сразу и сейчас. В них много зависти и мало добродетели, поэтому они даже на своих ошибках не хотят учиться! Не говоря о Вере!»